

Явена проснулась под звуки дождя, танцующего по оконным стеклам. Весной и осенью в районе Шиганшина часто шли дожди - это был успокаивающий, знакомый звук, который заставлял ее чувствовать себя как дома.

Но тут в ее голове промелькнуло воспоминание: один из Титанов, который начал выжимать из нее жизнь в тот день. Она вздохнула.

"Ой, не напрягайся".

Явена застонала и легла обратно, а на ее веках заплясали солнца всех цветов. Когда они наконец исчезли, она оглянулась и увидела, что рядом с ней сидит Ханге. И тут Явена поняла, что ее осторожно уложили в кровать.

"Ханге... что случилось?"

Ей не нравилось, что голос у нее хриплый. Ханге, должно быть, заметил это, потому что они пересекли комнату, подошли к письменному столу и принесли чашку воды, которую Явена с жадностью выпила.

Ханге взял пустую чашку и поставил ее обратно на письменный стол. С грустной улыбкой они сказали: "Леви помог мне вернуть тебя сюда. Командир Эрвин сказал, что мы останемся в деревне на ночь. Уже скоро полночь".

"Здесь безопасно? Здесь... больше нет Титанов?"

"Мой отряд сейчас ведет наблюдение. Пока мы... отсутствовали... остальной полк успел уничтожить несколько титанов, которые были поблизости. Здесь должно быть достаточно безопасно".

Явена медленно выдохнула, гадая, о чем думают ее товарищи по отряду. Было очевидно, что капитан Леви в ярости - за то ли, что она пошла с Ханге на захват Титана, или за то, что чуть не погибла и вынудила его спасти ее, - она не знала. И она не была уверена, что вообще хочет знать ответ...

Откуда-то издалека донесся раскат грома; через пять секунд последовала вспышка молнии.

"Надеюсь, ты не против, Явена, - пробормотал Ханге, положив руку ей на плечо. "Но я просматривал дневник, который был вместе с вещами Элиаса. На этих страницах он написал несколько важных вещей".

Явена пожевала внутреннюю сторону щеки. "О чем он писал?"

"Обо всем, что ему пришлось пережить после разлуки с отрядом. Он писал о том самом Титане, которого сегодня убил капитан Леви. Я... я думаю, это мог быть тот же самый, который..."

Но Ханге не закончил, вероятно, из-за выражения лица Явены.

Между ними воцарилась тишина, и только дождь стучал по стенам и крыше. В дальнем конце комнаты мерцало пламя одинокой свечи, отражаясь от окна и очков Ханге.

Взгляд Явены упал на блокнот, лежащий на столе. Она чувствовала себя одновременно заинтригованной и больной: она уже давно смирилась с потерей Элиаса, но было что-то невероятно болезненное в том, что она столкнулась с его судьбой. Она понимала, что должна

быть благодарна за то, что хотя бы в какой-то мере смогла смириться с этим, но это было не так.

"Сегодня я рассказал Эрвину об этой находке, - продолжил Ханге. "Я сказал ему, что у вас может быть личный интерес к содержанию этой тетради, и что, если вы согласитесь, я прочту ее вслух, чтобы мы все узнали, что именно обнаружил Элиас перед смертью".

Это заставило Явену закрыть глаза. Перед ее мысленным взором возникло лицо Элиаса, последнего человека, в которого она осмелилась влюбиться.

По крайней мере, она была в долгу перед ним. Она обязана выяснить, что произошло.

"Хорошо", - сказала Явена. Это было все, что она сказала.

К счастью, Ханге показалось, что он все понял. Они слегка сжал плечо Явены, после чего ответил: - Тогда я пойду за Командором. Он недавно интересовался вашим благополучием. Уверена, он будет рад узнать, как у вас дела. Вы не будете возражать, если я попрошу Леви тоже прийти? Ведь именно он нашел тетрадь..."

Явена открыла рот, чтобы согласиться, но то, что вырвалось из ее уст, не было тем разрешением, о котором просила Ханге.

"Он все еще сердится на меня?"

Ханге усмехнулся и нежно отвел со лба Явены копну огненных волос. "Не думаю. Он так себя ведет, когда его что-то расстраивает. Я бы не стала слишком беспокоиться об этом, Явена. Он не собирается наказывать тебя карцером за непослушание".

Эта фраза утешила Явену больше, чем она могла предположить. Она сделала медленный, томный вдох... а затем сказала: "Хорошо. Они могут прийти послушать, что написал Элиас".

Она была вознаграждена улыбкой Ханге. Командир секции поднялся с кровати и повернулся, чтобы выйти из комнаты, но не успел спросить: "Вам что-нибудь нужно?"

Явена на мгновение задумалась... а потом покачала головой.

Ханге больше ничего не сказал. Их уход был отмечен тихим щелчком захлопнувшейся за ними двери.

Оставшись одна, Явена решила набраться храбрости. Как и когда-то давно в замке полка разведчиков, в животе у нее словно извивались черви. Она не могла определить причину этого, но, по ее предположению, дело было в том, что она не хотела слышать о том, как сильно мог страдать Элиас, оставшись в полном одиночестве перед смертью.

Никто не пожелал бы такого тому, кого любил.

Очередной раскат грома сотряс окна. Она выглянула наружу и увидела, что дождь начал усиливаться. Явена надеялась, что все остальные солдаты, как и она, находятся в доме и в тепле. Раз уж новичков оставили в Стене, то, возможно, у всех тоже есть кровати...

Явена стиснула челюсти и заставила себя сесть, как бы ни кричала ее поясница. Если командир и ее капитан собирались находиться в этой комнате, пока она была прикована к постели, то она должна была хотя бы иметь достоинство сидеть, а не лежать.

Она схватила подушку, на которой лежала ее голова, и прислонила ее к стене. Рядом с ней лежала еще одна - она положила ее за спину, чтобы она лучше поддерживала ее.

С этим заданием Явена решила начать процесс окончательного прощания с Элиасом. С Павлом она тоже так поступала, но с Павлом ей повезло, и она смогла попрощаться с ним вскоре после его смерти.

Явена снова взглянула на блокнот. Она смотрела на него всего несколько секунд, но слова: "Меня зовут Элиас Шмидт. Я участвую в 34-й экспедиции "За стенами", написанные почерком Элиаса, врезались в ее память. Ей всегда нравился его почерк: изящный, с соединяющимися буквами и петельками, которые она едва могла разобрать.

"Как ты добился такого почерка?" - спросила однажды Явена. спросила Явена однажды, когда они с Элиасом вместе сидели в библиотеке.

Он улыбнулся ей и ответил: "Точно так же, как ты стала так превосходно владеть клинком. Я тренировался, снова и снова, каждый день с самого детства".

В улыбке Элиаса всегда было что-то чарующее, возможно, потому, что когда-то она была такой редкой. Когда Явена еще не знала его так хорошо, его лицо всегда было хмурым. Это был способ держать людей на расстоянии, чтобы они никогда не смогли преодолеть его ментальный барьер и оказаться в его сердцевине.

В чем-то Элиас напоминал ей капитана Леви.

В дверь постучали. Явена взглянула на нее. "Войдите".

Внутри вошел Ханге, за ним - командер Эрвин и ее капитан. Ханге сразу же занял место рядом с Явеной. Леви прошел через комнату к столу и просто прислонился к стене, скрестив руки. Командор Эрвин подошел к кровати Явены.

"Рад видеть вас в сознании, лейтенант, - сказал он. В его руках было что-то, и он положил это на стол рядом с ней. "Поскольку во время сегодняшнего ужина вы были без сознания, я взял на себя смелость принести немного супа на случай, если вы проголодаетесь".

Явена не могла не улыбнуться. У нее не было настроения есть, но жест был добрым, поэтому она взяла миску и проглотила несколько ложек. "Спасибо, командир. Я ценю это".

Хотя обычно во время миссий полка разведчиков еда была невкусной, казалось, что в честь создания дополнительной базы снабжения ответственные за питание добавили кое-что еще. В супе были морковь, ростки и картофель, а также обильное количество приправ. По сравнению с тем, что они обычно получали, это была настоящая фантазия.

Откусив несколько кусочков, Явена поставила миску обратно на стол. Ханге взял со стола книгу в кожаном переплете и сказал: "Ну что, мы готовы?"

Их взгляды метнулись к Явене, которая решительно отвесила челюсть и кивнула.

"Мы готовы", - сказал командир Эрвин.

С этими словами Ханге осторожно открыл потрепанную тетрадь и начал читать вслух:

Меня зовут Элиас Шмидт. Я вхожу в состав 34-й экспедиции "За стенами", отряд Мюльнера,

отвечающий за оборону периметра.

На обратном пути мы столкнулись с титанами. Я потерял всех в своем отряде и даже лошадь. Мое маневренное снаряжение было повреждено, и мне пришлось его оставить.

Я бегу на север, потеряв лошадь на территории титанов. Ни один человек не сможет обогнать титана пешком, а у меня нет товарищей, на которых я мог бы положиться. Мои шансы вернуться в город отчаянно малы. Однако если я избегу встречи с титанами, то смогу добраться до Стены.

Я знаю, что не должен поддаваться страху. Меня готовили к этому сценарию с того самого дня, как я вступил в полк разведчиков. Я должен стать крыльями человечества, сделавшими последний рывок, а это значит, что я буду сражаться до конца, даже если в итоге погибну.

У меня нет оружия, но я все равно могу сражаться. Мои слова всегда лучше записывать на бумаге, чем произносить вслух. Поэтому, в слабой надежде на то, что кто-нибудь однажды найдет эту тетрадь, я буду записывать сюда свои переживания и делать все, что в моих силах. Я не сдамся.

Я встретил Титана. Это семи-, нет, шестиметровый класс. Он не сразу напал на меня. Это аномалия?

Возможно, это конец пути. Это все, что я могу сделать.

Оно только что заговорило. Титан только что заговорил. Не могу поверить... Титан говорит слова, которые я могу понять. "Люди Ймира. Добро пожаловать".

Без сомнения, Титан демонстрирует мимику. Похоже, он проявляет ко мне уважение... Не могу поверить! Впервые за все время существования человечества я разговариваю с титаном?

Я спросил этого титана о его природе. Вместо того чтобы говорить, он стонет. Я спросил его о местонахождении. Он не ответил. Я спрашиваю его о мотиве.

Он держит меня между зубами. Теперь я знаю, что это действительно конец. Если кто-нибудь найдет это, пожалуйста, сообщите моей семье. Передайте прапорщику Явене Верман, что я

Ханге внезапно замолчал.

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Впервые с того момента, как Ханге начал читать отрывок, Явена осознала, что ее глаза плотно зажмурены. Она держала их закрытыми, не желая знать, какое выражение будет на лицах ее старших офицеров, когда она их откроет.

"Там... там больше ничего не было?" - спросила она. Явена почувствовала, что дрожит, хватаясь за покрывала, окружавшие ее. Костяшки ее пальцев быстро побелели.

"Нет... Прости, Явена, но это все, что было".

Наконец она открыла глаза. Командор Эрвин сидел в кресле у стола и выглядел крайне обеспокоенным. Его руки были сцеплены, подбородок лежал на них, а голубые глаза были устремлены вдаль.

Капитана Леви, что неудивительно, было труднее понять. Его руки были по-прежнему скрещены, он все так же прислонился к стене, а его лицо было опущено. Казалось, что он

обеспокоенно смотрит в пол.

"Командир..."

Все посмотрели в сторону Ханге, который все еще смотрел на грязную книгу, которую они держали в руках: последние слова и просьба Элиаса Шмидта. Почувствовав на себе их взгляды, они обратили свое внимание на Эрвина.

"Эрвин, - сказали они. "Эта записная книжка проясняет одну вещь. Мы ничего не знаем о Титанах. И мы в долгу перед такими солдатами, как Элиас Шмидт, которые отдают свои жизни, чтобы было за что умирать. Мы обязаны найти ответы и сражаться до самого конца, как это делали они. Мы должны знать больше о Титанах. И я искренне верю, что лучший и, возможно, единственный способ сделать это... это захватить одного из них живым".

Командор Эрвин встретился взглядом с Ханге. Он не пытался скрыть, что чувствует в этот момент, и Явена увидела в его глазах понимание. В них было что-то новое... какая-то обретенная решимость, которую она никогда не видела в глазах лидера скаутов.

"Ханге, - мягко сказал он. "Твое предложение принято".

Очередной раскат грома потряс окна. Явена резко вдохнула от неожиданности и посмотрела в сторону окна. Молния ударила ближе к деревне, чем в предыдущие два раза, и свет отразился от лица Ханге.

"Спасибо, командир", - сказали они. В их голосе не было триумфа, как они, возможно, ожидали, мечтая о том, чтобы Эрвин согласился с ее идеями. Они сказали это с грустью и каким-то уважением к книге, которую все еще держали в руках.

"Ханге, могу я..."

Явена запнулась, но заканчивать фразу не стала. Ханге передала ей блокнот.

Она пролистала его до последних страниц. Между строк виднелись пятна крови - Явена тяжело сглотнула, увидев их. Она прочла последний абзац: Он держит меня между зубами. Теперь я знаю, что это действительно конец. Если кто-нибудь найдет это, пожалуйста, сообщите моей семье. Передайте прапорщику Явене Верман, что я

"Что ты, Элиас?" - прошептала она, скорее для себя, чем для чего-то еще. "Что ты хотел мне сказать?"

Разумеется, ответа Явена не дождалась.

При взгляде на то, каким размашистым и разрозненным был почерк Элиаса, у нее на глаза навернулись слезы. Она могла только представить, как ему было страшно в те самые последние мгновения - он был один, с осознанием того, что не знает о Титане ничего, кроме того, что тот собирается его съесть. И все же, судя по его письму, он думал о ней. Он хотел ей что-то сказать: может быть, что любит ее или что ему жаль.

"Его семья живет в Крольвенском районе", - услышала Явена свои слова. Смахнув навернувшиеся на глаза слезы, она подняла глаза на командора Эрвина, который смотрел на нее с сочувствием. "Я бы хотела пойти к нему в дом, чтобы вернуть куртку и другие вещи".

Командор Эрвин кивнул. "Разрешаю, лейтенант. Ханге, вы пойдете с ней?"

"Конечно", - тут же ответила Хенге. Они потянулись назад и осторожно положили одну руку на блокнот.

Явена знала, что это значит. Она в последний раз просмотрела почерк Элиаса, прежде чем закрыть дневник и передать его обратно Ханге. Хотя ей хотелось, чтобы она еще немного подержала его в руках, другая ее половина понимала, что лучше бы его не было.

Горло невыносимо сжалось.

"Думаю, нам всем пора отдохнуть", - сказал командир Эрвин. Он поднялся с кресла и подошел к Явене, после чего добавил: "Выздоровливайте, лейтенант. Мы проверим вас утром, перед тем как отправиться в путь".

Явена сглотнула и, несмотря на слезы, все еще стоявшие в ее глазах, смогла кивнуть.

Командир сделал ответный жест, после чего сказал: "Леви. Ханге" и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь с тихим щелчком.

В комнате слышались шаги; оглянувшись, Явена увидела, что Леви приближается. В его руке было что-то, он положил это на одеяла, которыми она была укрыта, и сказал: "Кто-то из солдат нашел в кладовой эти затвердевшие конфеты, те, что со вкусом корицы. Я всегда их ненавидел".

Не дожидаясь ответа, он последовал за командиром Эрвином и ушел.

Явена задержалась взглядом на двери, которую капитан закрыл, собираясь уходить. Она не знала, как расценивать его прощальные слова... оставалось только надеяться, что они означают, что Ханге была права: он больше не сердится на нее.

Когда она посмотрела на то, что он положил рядом с ней, то не смогла не улыбнуться. Это была одна из тех конфет, которые они с Ханге обычно воровали из кухонь и прятали под матрасами, когда вместе учились в кадетском корпусе.

"Палочки с корицей", - усмехнулась Ханге. "Как этот ублюдок узнал, что они тебе нравятся?"

Они вместе слабо рассмеялись; Ханге протянул руку и провел тыльной стороной ладони по лбу Явены, не обращая внимания на то, что Явена была ранена, а не больна. "Я так и не поблагодарила тебя за то, что ты для меня сегодня сделал".

"Ханге..."

"Нет, пожалуйста. Позволь мне закончить. Когда Леви привел тебя сюда сегодня вечером, я кое-что понял. В одном он был прав: я не имею права вести тебя в опасность. Сегодня я вел себя глупо и безрассудно - чуть не убил тебя. Если бы Леви был менее искусен, чем он, ты была бы мертва, Явена".

Ханге все это время смотрел в сторону, но когда они наконец снова взглянули на Явену, она с удивлением увидела в их глазах слезы.

"Обещай, что больше не будешь рисковать своей жизнью ради меня", - закончил Ханге. "Это нечестно... ни для кого из нас".

Комок в горле Явены увеличился в размерах, но каким-то чудом ей удалось его проглотить.

"Ханге, все, что я делаю, я делаю по собственной воле. Никто меня ни к чему не принуждает. Никто никуда меня не тащит. Если я делаю что-то, чтобы помочь или защитить тебя... это мой собственный выбор".

Хенге фыркнул и снял очки, чтобы они могли протереть глаза. Больше они ничего не сказали, просто протянули руки и осторожно обняли Явену.

Явена положила голову на плечо Ханге, чувствуя себя немного лучше. Даже после пятнадцати лет военной службы и тренировок лучшая подруга всегда была рядом, и это успокаивало. Это была дружба, которую Явена не променяла бы ни на что.

"Поспите немного", - наконец сказал Хенге. Они прочистили горло и улыбнулись. "Я помогу перевязать тебя утром, чтобы верховая езда не оказалась полным дерьмом".

При упоминании о верховой езде Явена застонала. "О, черт, не напоминай мне..."

Ее встретил еще один легкий смешок, а затем Ханге вышла из комнаты, чтобы они оба могли как следует выспаться перед утренним путешествием.

На следующий день Петра, Олоу, Гюнтер и Элд были очень добры к Явене. Они рассказали ей, что капитан Леви сообщил им о дневнике и его содержимом, чтобы они не доносили ее информацией о том, кто такой Элиас Шмидт и что было написано в блокноте. Таким образом, разговоры во время путешествия полка были относительно нормальными, хотя Элд, в частности, казался обеспокоенным ранами Явены и постоянно интересовался ее самочувствием.

Явена была благодарна за все: честность своих спутников, их заботу и предусмотрительность капитана Леви. Она убедилась, что они тоже знают о ее чувствах - все четверо улыбнулись, и только Петра сказала: "Конечно, Явена. Ты член нашего отряда... и наш друг".

Хотя Явена не поблагодарила капитана Леви прямо за его попытки отговорить от провокационных вопросов, она знала, что он видел ее благодарность в том, как она кивнула ему, поймав его взгляд.

Эмоциональная часть путешествия прошла легко, а вот физическая - точно нет. Перед тем как они отправились в Уолл-Роз, Ханге подтвердил, что у Явены сломаны ребра, и, сам того не подозревая, попросил Леви разрешить ей ехать вдвоем с кем-нибудь из отряда.

Так Явена и ехала с Гунтером; однако даже при его поддержке ей было трудно удерживать равновесие на лошади. Ее мышцы невероятно болели, и было трудно дышать. Не раз ей приходилось прятать лицо от резкого ветра, чтобы случайно не вдохнуть слишком глубоко и не усугубить состояние туловища.

Как только полк разведчиков вернулся в замок, Леви приказал Явене соблюдать постельный режим в течение десяти дней и добавил, что на следующие четыре недели она освобождается от тренировок. Она попыталась протестовать, но Леви и слушать не стал, сказав: "Не будь идиоткой. Если ты будешь так тренироваться, то в итоге наделаешь глупостей и еще больше сломаешь свое тело".

И вот Явена выполнила его приказ, пусть с трудом, но выполнила. После окончания десяти дней постельного режима она продолжала вставать рано, чтобы присоединиться к своим товарищам по отряду во дворе, даже если ей приходилось сидеть в сторонке. Это было лучше, чем вообще не быть с ними.

Через две с половиной недели после возвращения полка разведчиков в замок Ханге встретила Явену в своей комнате и сказала: "Я надеялась сегодня днем сходить в дом Шмидтов, чтобы вернуть вещи Элиаса. Вы не против, или мне следует перенести это на неделю?"

У Явены пересохло во рту, но она все же ответила: "Хорошо. Позвольте мне подготовиться".

До места, где находился Кролевский район по отношению к штабу полка разведчиков, было три часа езды на лошади, но, несмотря на не самую лучшую форму, Явена была полна решимости добраться до семьи Элиаса. Она слишком долго думала об этом дне, а его семья - еще дольше.

Они заслужили завершение.

Пока они ехали в относительном молчании, Явена прижимала к груди сложенный пиджак Элиаса. Отдача этой куртки, символа причастности к полку разведчиков, должна была стать последней частью ее прощания с ним.

Ханге и Явена добрались до дома Элиаса за три с половиной часа, что было совсем неплохо, если учесть, сколько раз они делали перерывы, чтобы Явена могла восстановить силы. Они отправились в путь в полдень, а когда наконец нашли нужный дом, было уже четыре часа.

Когда двое солдат уставились на дверь, Ханге протянул руку и взял Явену за одну из рук, безвольно повисших на боку. "Ты готова?"

Явена кивнула, хотя все ее тело было напряжено и холодно. "Давай сделаем это... ради всех нас".

Ханге поднял кулак и постучал в дверь. Кто-то внутри дома позвал: "Минутку!" Внутри раздалось какое-то шарканье, стук запасной кастрюли или сковороды... а затем дверь распахнулась, и на пороге появилась невысокая женщина с темными волосами и яркими глазами.

Явена уже могла заметить сходство между ней и ее сыном.

"Госпожа Шмидт?" - спросила Ханге. "Я - Ханге Зоя, командир отделения полка разведчиков. А это лейтенант Явена Верман - она хорошо знакома с вашим сыном, Элиасом. Можно нам войти на минутку?"

Женщина кивнула и открыла дверь. На ее лице застыло выражение ужаса; было очевидно, что она уже знает, зачем они здесь.

Несмотря на это, миссис Шмидт любезно провела их в маленькую столовую, где сидел молодой парень, тоскливо глядя в окно. Сцепив руки за спиной, мать Элиаса сказала: "Это мой младший, Бенджамин. Если вы не возражаете, я сбегаю в соседнюю комнату и позову своего мужа. Пожалуйста, извините меня..."

Она исчезла за углом, оставив Ханге и Явену сидеть молча.

Явена окинула быстрым взглядом окружающую обстановку. В доме было довольно чисто, если не считать нескольких грязных тарелок. На стене напротив них висели полки, заставленные книгами: старыми и новыми, толстыми и тонкими. Она не могла не задаться вопросом, читал ли Элиас хоть одну или даже все эти книги, а может быть, даже писал в некоторых из них, чтобы потренировать свой почерк...

Мистер и миссис Шмидт вернулись быстро. На их лицах уже лежали тени.

Ханге протянул руку и положил плащ Элиаса на стол. На нем еще оставалось несколько пятен крови. "Мистер и миссис Шмидт, мне очень жаль, что я вынужден это сделать. Ваш сын пропал без вести более года назад, и только недавно мы смогли найти его тело и вещи. Мы с Явеной пришли сегодня, чтобы вернуть вам эти вещи и сообщить о его кончине, чтобы вы наконец узнали о случившемся".

Слова Ханге стали путаться, а Явена сидела, уставившись в стол. В голове у нее все кружилось; в сердце опустилось какое-то густое облако, которое, казалось, останется там на целый век. Она ожидала, что это будет нелегко - сопровождать Ханге, сообщая семье ее предыдущего возлюбленного о его смерти.

Но оказаться там, в тот момент... это было гораздо хуже, чем Явена могла себе представить.

Госпожа Шмидт рухнула на один из обеденных стульев, закрыв лицо руками. Ее муж обхватил себя за плечи, и морщины на его лице углубились так, что казалось, он постарел на десять лет за десять секунд. Однако на протяжении всего рассказа Ханге о том, каким хорошим солдатом был Элиас и какой большой вклад он внес в развитие полка разведчиков, мистер Шмидт упорно не сводил с них глаз.

Явена схватилась за обшлаг одного из рукавов куртки. Где-то в глубине души она понимала, что время пришло.

Как только Ханге закончил говорить, она аккуратно положила куртку на стол, поверх плаща Элиаса.

"Мистер и миссис Шмидт, я очень хорошо знала Элиаса", - сказала она. В затылке у нее зашумело, но она медленно вздохнула и заставила себя не думать об этом. Его родители заслуживали самого пристального внимания с ее стороны - лучших слов, которые она могла сказать. "Он был хорошим человеком: добрым, дисциплинированным и одним из самых умных людей, которых я когда-либо знала. Он был мне очень дорог. Я любила его".

Миссис Шмидт всхлипнула.

У Явены сжалось горло, но она снова пересилила себя. "Элиас никогда не будет забыт. Ни полк разведчиков, ни его друзья, ни, конечно, я. Он был сильным человеком в жизни, и поэтому он останется в наших умах и сердцах, потому что мы чтим своих товарищей. Мы чтим то, за что они сражаются и умирают, каждый день, когда остальные из нас делают вдох".

Она на мгновение остановилась и посмотрела на двух людей, сидевших прямо перед ней. Они оба смотрели на нее мутными глазами, ожидая последнего слова.

"Мы будем продолжать чтить его память, мистер и миссис Шмидт. Это я могу вам обещать".

Явена не знала, что еще сказать. Она просто кивнула и еще раз окинула взглядом пиджак Элиаса - протянула руку и поправила булавку с крыльями человечества, чтобы она лежала ровно, а не криво... а потом убрала руку в сторону, понимая, что дело сделано.

Шмидты пригласили Ханге и Явену остаться на чашку чая перед отъездом. Все четверо молчали, сидя за столом и медленно ожидая, пока пар рассеется из каждой чашки.

"Элиас всегда был хорошим мальчиком, - сказала миссис Шмидт, с унынием глядя в окно. "Он

мог бы стать писателем, если бы захотел, или репортером. Но он хотел быть солдатом. По его словам, чтобы что-то изменить. Все, что я могу сказать сейчас, это... Я надеюсь, что он изменил мир к лучшему. Искренне, искренне надеюсь".

Спустя еще полчаса, в течение которых Шмидты предавались воспоминаниям о сыне, Ханге и Явена поднялись из-за стола, чтобы начать свое возвращение в замок полка разведчиков. В груди Явены по-прежнему клубился туман, но ей больше не приходилось сглатывать комок в горле или вытирать слезы с глаз.

Ей тоже было тяжело прощаться с Павлом... но она справилась с этим, как справится и с этим.

"Спасибо тебе, Явена, - сказала миссис Шмидт, когда Явена выходила из дома. "За то, что присматривала за ним все это время".

Явена улыбнулась женщине, кивнула и повернулась, чтобы уйти.

Ханге и Явене потребовалось еще четыре часа, чтобы вернуться в штаб-квартиру. На этот раз путь занял еще больше времени, поскольку Явене требовались дополнительные перерывы, да и ориентироваться на местности в темноте было несколько сложнее.

Но в конце концов им это удалось, и как раз вовремя: дождь только-только начал стихать.

"Ты придешь на ужин?" - спросил Ханге. Время ужина в столовой подходило к концу, и если они хотели поесть, то должны были сделать это быстро.

Явена посмотрела на облака. Они сгущались над головой и были глубокого меланхолического серого цвета. "Нет, пожалуй, я останусь здесь и немного подумаю", - сказала она, не отрывая взгляда от неба. "Но ты иди. Со мной все будет в порядке".

Было видно, что Ханге это заявление не убедило... но она все равно кивнула, сказала: "Дайте мне знать, если вам что-нибудь понадобится", - и сама направилась в столовую.

Не прошло и десяти минут, как с неба хлынул дождь. Это была не гроза, а обычный дождь, который, как капли, падал на макушку Явены.

Она присела на одну из скамеек во дворе, не отрывая взгляда от земли. Она знала, что ей никто не угрожает - все пользуются переходами внутри замка, чтобы не попасть под дождь.

В это время Явена уединилась, чтобы подумать. Она не могла не вспомнить выражение лиц Шмидтов, когда они с Ханге сообщили им о смерти сына. Они были убиты горем, опустошены... и в то же время ничуть не удивились. Ни капельки.

Впервые за долгие годы Явена осознала, насколько смертельно опасно служить в полку разведчиков. Даже в хороший день за Стенами гибли люди. В плохие дни число жертв иногда переваливало за пятьдесят. Совершенно хорошие мужчины и женщины с будущим умирали, и ради чего?

Ответа на вопрос, за что они умирали, не было. Во всяком случае, Явена не видела. Их съедали титаны, и их все еще оставались сотни.

Родители по всей Стене гадали, что случилось с их детьми. Родители тех, кто служил в полку разведчиков, знали, что в один прекрасный день они получают те же новости, что и Шмидты.

Это было несправедливо.

Не успев опомниться, Явена разрыдалась. Это было несправедливо - несправедливо, что за человечеством охотится враг, о котором они практически ничего не знают, несправедливо, что хорошие люди должны отдавать свои жизни и сердца, не получая за это абсолютно ничего ценного. Несправедливо, что некоторые люди должны умирать в одиночестве, а те, кого они оставили после себя, никогда не станут прежними, когда их не станет.

Это было несправедливо и никогда не было справедливо.

"Прекрати это".

Явена отняла лицо от рук и посмотрела в сторону, удивляясь, что кто-то приближается... и еще больше удивляясь, что это капитан Леви, идущий под дождем навстречу ей, с таким же нечитаемым лицом, как и всегда.

Она фыркнула и протерла глаза. "Это приказ?"

Леви молчал и лишь наблюдал за тем, как Явена пытается удержать слезы на лице. Одним плавным движением он достал из-под плаща что-то, что держал в руках, - контейнер с чем-то теплым, судя по пару, поднимававшемуся из отверстия в его крышке. Без слов он протянул его ей.

Явена взяла его, проклиная себя за дрожащие руки. Когда она открыла крышку, то не ошиблась: это был ее любимый зеленый чай, который она пила каждый вечер за ужином.

Она оглянулась на капитана, не пытаясь скрыть своего удивления. Она не ожидала, что он обратит внимание на такую мелочь, как ее любимый напиток... и все же они были здесь, и было ясно, что этот жест был намеренным.

Заметив ее пораженное, но благодарное выражение лица, Леви посмотрел в сторону. "Там было много лишнего".

Явена кивнула, отведя взгляд к контейнеру, чтобы скрыть слезы, которые снова начали литься по ее лицу.

На этот раз это были не слезы печали.

Явена еще немного потягивала свой напиток, не обращая внимания на дождь. Леви продолжал стоять рядом с ней, глядя в землю. В его присутствии было что-то успокаивающее, чего Явена не могла понять, и это побудило ее сказать: "Капитан, я хотела попросить прощения".

Он поднял бровь. "За что?"

"За то, что случилось во время нашей последней миссии", - ответила она, поворачиваясь на скамье и глядя ему прямо в глаза. "Не за то, что я вообще пошла с Хенге, а за то, что поставила тебя в такое положение, когда ты думал, что можешь потерять солдата. Раньше я думала, что тебе все равно, но... я ошибалась".

Леви насмешливо хмыкнул. "Тч. Ты можешь доказать свою искренность, избегая ситуаций, в которых ты можешь погибнуть".

Она слегка рассмеялась, что заставило его снова поднять бровь. "Мы в полку разведчиков,

Леви. Мы всегда находимся в ситуациях, когда можем умереть".

Он внимательно наблюдал за ней, отмечая ее улыбку... и тут что-то изменилось на его лице. Его глаза стали мягче, а губы едва заметно дрогнули. Это было самое близкое подобие улыбки, которое Явена еще видела от него; возможно, это было самое близкое подобие улыбки, которое кто-либо еще видел от него.

"Полагаю, вы правы, - сказал он.

Следующие несколько секунд были наполнены лишь звуками дождя, бьющего по земле. Явена смотрела, как он отворачивается, и жалела, что не уходит.

"Отдыхай, Явена, - сказал он через плечо. "Скоро ты вернешься к тренировкам".

А потом он ушел.

<http://tl.rulate.ru/book/104529/3655791>